

Когда слово станет телом,
И тело откроет свой рот,
И вымолвит слово, из которого
Было сотворено, —
Я обниму это тело
И подле себя спать уложу.

*Хези Лескали,
«Урок иврита № 5»,
из сборника
«Крысы и Леа Гольдберг»*

ЯИР

3.4

Мириам,

ты не знаешь, кто я, и в тот момент, когда я пишу тебе эти строки, я тоже толком с собою не знаком. Я честно пытался не писать — пытался целых два дня, — и вот сейчас не выдержал.

Я увидел тебя позавчера на встрече выпускников школы. Ты не могла меня видеть, потому что я стоял совсем с краю и, очень возможно, вне поля твоего зрения. Кто-то произнес твое имя, несколько подростков назвали тебя «учительницей». А еще с тобой был какой-то высокий мужчина, очевидно, муж. Вот и все, что я о тебе знаю — и даже этого слишком много для меня. Не пугайся, я не ишу встречи с тобой и не желаю нарушить мерный ход твоей жизни, но мне хотелось бы, чтобы ты согласилась получать от меня письма. То есть, чтобы я мог (время от времени) рассказывать тебе о себе в письмах. Жизнь моя не бог весть какая интересная (по правде говоря, совсем не интересная, и я не жалею), но я хочу кое-что тебе доверить — больше мне некому вручить этот подарок. Я говорю о таких вещах, которыми, по-моему, невозможно поделиться ни с кем — да и мало кому захочется вверить их другому человеку. Понятно, что я ни к чему тебя не принуждаю, ты вовсе не обязана мне отвечать (и я почти уверен, что не ответишь); и все же — на тот случай, если однажды захочешь дать мне знать, что

читаешь, — я пишу на конверте номер почтового ящика, который специально для этого арендовал сегодня утром.

Если нужно объяснять, значит, во всей этой затее нет смысла, и ты даже не должна отправлять ответ, потому что, видимо, я ошибся в тебе. Но если ты та, кого я видел там — обнимающую себя, с чуть надломленной улыбкой, — я думаю, ты поймешь.

Яир В.

7.4

Мириам, здравствуй.

С тех пор, как я получил твоё письмо, я не делаю ровным счетом ничего, — просто не могу, — не работаю, не живу, а лишь бегаю вокруг да около тебя, выкрикивая твоё имя, и будь ты сейчас здесь, я бы обнял тебя изо всех сил (не волнуйся, силой я не отличаюсь). Обещаю ответить на все твои вопросы — ты заслуживаешь самых искренних ответов за то, что написала, и за то, что вообще ответила! Что согласилась! Что не испугалась моего письма, в котором считывалась еле сдерживаемая попытка самоубийства (две глубоких колеи со следами зубов остались у меня от него на внутренней стороне щек). Но прежде, прежде всего, я обязан рассказать тебе о том, как мы встретились на самом деле (ты ответила мне! На следующий день! Не посмеялась над безумцем, который вдруг раскололся перед тобой, как орешек). Я имею в виду не ту встречу в школе неделю назад, ту, что принадлежала реальности, — какое нам дело до реальности, найдется ли в ней место для нас?

С чего начать? Вот если бы можно было начать со всего и сразу, не чувствуя, что в каждом слове вдруг так много лишних букв, — верно? Я и не представлял, насколько сложно объяснить чувство, кромсая его на буквы. Ты написала, что я напомнил тебе юнца в сапогах-скороходах из какой-то сказки — ах если бы, ей-богу, одним махом

покончить со всеми этими объяснениями, расстаться со здравым смыслом, вот бы ты уже все знала, — вот так, сразу, — вот бы ты приняла меня всего, целиком, вот бы я уже стал частью тебя, открыл глаза и увидел, как ты смеешься, сидя напротив и говоря: «Все в порядке, давай начнем» (на этом я заканчиваю. Чувствую, что каждое новое слово только усугубляет мое положение). Теперь твой черед.

Яир

7.4

(Всего лишь еще пара слов.) Я отправил письмо, вернулся и никак не мог успокоиться, — да и сдалось мне спокойствие; привет, Мириам, не обращай внимания на дурака, который с самого утра улыбается безудержной улыбкой, который от счастья мечтает сейчас же, немедленно, раздеться, сбросить с себя кожный покров и все остальное и встать перед тобой, обнаженный до самой души. Вот бы я мог нарисовать тебе, прокричать, прожрать, пролаять — да хотя бы просвистеть — все, что клоочет во мне (мне вспомнилось, как лет в двадцать я пытался стать этаким ламедвавником¹ в миру. Я вообразил, что хотя бы раз в неделю буду усаживаться в автобусе позади одинокой женщины — конечно же, предпочтительно одетой в черные вдовьи одежды, но тут уж как повезет, — и, оставаясь незамеченным, буду тихонько-тихонько напевать ей на ухо мелодию, преисполненную любви, которая коснется ушной раковины и, просочившись в самые глубины ее уха, разбудит все то, что в ней уснуло, отчаялось, застыло.

¹ Согласно еврейской мистической традиции, ламедвавник — один из тридцати шести тайных праведников, живущих на Земле в каждый момент времени. Название происходит от записи числа 36 в гематрии: числу 36 соответствуют буквы ламед и вав. (*Здесь и далее — прим. пер.*)

Нет, меня совершенно не пугает то, что мы с тобой посторонние люди. Наоборот, совершенно очевидно, что все наоборот — скажи, что может быть притягательней, что может возбуждать сильнее, чем возможность взять нечто очень дорогое, самое дорогое — будь то тайна, порок или совершенно невообразимая просьба, вроде той, с которой я к тебе обратился, — и вложить в руки совершенно незнакомого человека (именно незнакомого!), а после мучиться стыдом за то, что соблазнился столь очевидной иллюзией, и за то, что вообще во мне живет такой попрошайка; и так беспрестанно три дня и три ночи, будто в карцере или в ловушке. И вот, когда я уже стоял на краю отчаяния, глупый, озлобленный, посеревший и затуманенный, вдруг твоя белая рука —

Слушай, может, тебе вообще невдомек, что меня так взволновало; но твое письмо, его тепло, сияние, особенно постскрипtum в конце, по сути, одна-единственная строчка... Ты как будто пришла и вывела меня из тени на свет; именно это я почувствовал — как будто ты взяла меня за руку и провела сквозь струю света; и сделала это очень просто — как будто вполне естественно поступить так с совершенно незнакомым человеком.

(И вот сейчас, именно в эту минуту, меня обдает волной холода — почему? Потому что хорошо? Холодок поднимается от живота, и будто ледяной кулак сжимается под сердцем — познакомьтесь.)

Вот бы ты поняла, что я всерьез прошу только о переписке, ни в коем случае не о телесном, не о плотском — только не с тобой; после твоего письма мне это стало так очевидно — будут только слова. Встретившись лицом к лицу, мы все испортим, повернем на проторенную дорожку. И, само собой, мы будем держать все это в строжайшей секретности, никому не рассказывая, чтобы наши слова не обратились против нас самих. Лишь твои слова соприкоснутся с моими, и однажды мы почувству-

ем, как дыхания наши сольются в одно. Я так утомился писать, — и это не обычная усталость. После каждых нескольких строк мне просто необходимо остановиться, выдохнуть и успокоиться.

Уже вечер. Я сделал перерыв. Немного пришел в себя. Прошло ровно десять часов с тех пор, как я нашел твой белый конверт в своем почтовом ящике, с моим именем на одной стороне и твоим — на другой (может, для начала мне и не нужно было большего). А внутри на половинке листа (у тебя не было времени?) — твой ответ. И в первые мгновения я вообще не мог понять, что я читаю. Как будто каждое слово, даже самое обычное, светило мне в лицо ослепительной вспышкой — такой, какая есть в слове «я», если в него углубиться; мгновение осознания — а затем словно темные сумерки начали расползаться из середины и засасывать меня внутрь. И когда я дошел до постскриптума, до «спасибо за столь неожиданный подарок» (ты еще и благодаришь меня!) и до твоего сердца, которое вдруг затосковало по себе, когда было маленьким —

Верно, что теперь уже и сказать-то нечего? Что главное уже сказано?

Но послушай, однажды я вычитал у великих мудрецов Талмуда, что в наших телах, в верхней части позвоночника, есть одна небольшая косточка, называемая луз¹, которую невозможно уничтожить. Она не разрушается после смерти и не горит в огне, и после воскресения мертвых из нее будет заново создан человек. И с тех пор у меня появилась небольшая игра — я пытался угадать, где спрятан луз людей, с которыми я познакомился, где то нерушимое ядро, которое в конечном счете от них останется, из которого они возродятся. И, конечно же, я искал этот

¹ В мусульманской и еврейской традициях принято считать, что это кость, в которой живет душа после смерти и до воскресения.

луз у себя, но ни одна идея меня до конца не удовлетворяла; и в конечном счете я забросил поиски и догадки, объявив свой луз несуществующим, — и так продолжалось до тех пор, пока не увидел тебя в школьном дворе. Вдруг эта идея воскресла во мне, и вместе с ней зародилась мысль сладостная и безумная: а что, если мой луз вообще не в моем теле, а в другом человеке?

7.4

И все-таки снова я. Почти полночь. Третье за сегодня, не пугайся — ты и понятия не имеешь, сколько писем я тебе сегодня не отправил, но это наш первый день вместе, день, когда пришло твое письмо, и я ответил. И пока не пришло от тебя новое письмо я могу представлять, что ты читаешь меня точно так же, как я пишу тебе — в полусне, в полубреду (сегодня на работе я ходил, пританцовывая), и могу шептать тебе: «Моря, моря», тоненьким голосочком — голос мой слабеет, когда я думаю о тебе — «Моря, захлестните меня, моря»; не знаю почему — быть может, из-за морей, которые есть в твоём имени (только «р» в нем — словно плотина, преграждающая течение), а может, потому что жизнь не зарождается без воды. И я чувствую, всем телом ощущаю, что нам с тобой нужно много воды, много водопадов и рек вокруг, чтобы просто начать жить.

Я перегнул палку? Растекся мыслью по дереву? Я почувствовал, как ты съежилась (правда, тело твое скорчило гримасу). Или тебя ранило какое-то мое слово? Ты должна направлять меня, объяснять, где болит, где нужно быть осторожным. Или я просто завалил тебя сегодня письмами и ты уже устала?

Ведь и меня самого изматывают эти письма, я уже говорил тебе. Я никогда еще не испытывал такой слабости оттого, что просто пишу. Пять-десять строк — и у меня начинает кружиться голова. Это даже приятно — напоминает, как в детстве возвращаешься к жизни после

долгой болезни. Что скажешь, может, сразу договоримся, что переписка наша не будет слишком долгой? Скажем, не дольше одного года? Или пока это наслаждение не станет невыносимым? Ведь если мое тело сейчас говорит правду — а тело, как известно, не лжет —

Нет? Не лжет? А сколько раз я заставлял свое тело лгать? Сколько раз обнимал, целовал, вздыхал, прикрывал глаза и кончал с громкими стонами — не придавая всему этому никакого особого значения.

А ты сколько раз?

Мириам, если то, что я к тебе испытываю — подлинно, то и одного года нам будет слишком много. Дольше мы не вынесем, да еще и посеет вокруг себя разруху — а мне кажется, нам обоим есть что терять в этом мире. Поэтому я подумал: мысль дурацкая, но все же — может, договоримся заранее? Назначим себе дату или дождемся какого-то конкретного события в мире — чего-то, что нас не касается и совершенно нам безразлично, но станет нашим тайным сигналом в календаре. Ну как, такой расклад тебя немного успокоит? (по крайней мере, у нас появляются границы). Так мы заранее будем знать, что разлука неизбежна и что мы обязаны покончить со всем этим в указанный срок. Все или ничего, как тебе кажется?

Ты вновь отдалилась — миг похолодела и отшатнулась. Ладно, я и сам знаю, что сморозил полную чушь, наступил на горло собственной песне, еще и рта не раскрыв. Но постой, не списывай меня со счетов! Послушай: сейчас мне проще всего вырвать этот лист и написать все заново, без этих ничтожных строк — так я хотя бы не потеряю тебя в одночасье.

Как видишь, он остался. Слово в слово. Я ничего не вычеркнул. Потому что в тот момент, когда ты ответила мне, я решил: все, что происходит из-за тебя, будет принадлежать тебе. Записано в тебе — записано во мне.